Славянские литературы

V международный съезд славистов

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
СОВЕТСКИЙ КОМИТЕТ СЛАВИСТОВ

СЛАВЯНСКИЕ ЛИТЕРАТУРЫ

Доклады советской делегации

V МЕЖДУНАРОДНЫЙ СЪЕЗД СЛАВИСТОВ

(*София, сентябрь 1963*)

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР
Москва 1963

I

СЛАВЯНСКИЕ ЛИТЕРАТУРЫ
XI—XVII вв.

Н. К. Гудзий

ТРАДИЦИИ ЛИТЕРАТУРЫ КИЕВСКОЙ РУСИ В СТАРИННЫХ УКРАИНСКОЙ И БЕЛОРУССКОЙ ЛИТЕРАТУРАХ

По внутреннему богатству, по силе своих художественных качеств литература Киевской Руси представляет собой настолько незаурядное явление, что выделяется не только среди прочих современных ей славянских литератур, но и среди мировых средневековых литератур вообще. Общеизвестна ее значительная роль в развитии последующей русской литературы вплоть до XVII в. включительно. Об этом обстоятельно, с большим количеством конкретных сопоставлений сказано в трудах А. А. Шахматова, М. Д. Приселкова, Д. С. Лихачева о русском летописании, а также в книге последнего «Национальное самосознание древней Руси»; в работах В. О. Ключевского и Н. И. Серебрянского о древнерусских житиях святых, С. А. Бугославского — о литературной традиции в северо-восточной русской агиографии [1], А. С. Орлова «Об особенностях формы русских воинских повестей (кончая XVII в.)» [2], А. Б. Никольской о слове «О законе и благодати» митрополита Илариона в позднейшей литературной традиции [3] и др., а также в общих курсах по истории древней русской литературы, в первую очередь в первых двух томах (в трех книгах) академической истории русской литературы (1941—1948).

Немалое влияние оказала литература Киевской Руси и на развитие старинных южнославянских литератур, о чем особенно убедительно свидетельствуют труды М. Н. Сперанского. В последнее время на эту же тему идет речь в работах болгарского ученого Боню Ангелова.

Что касается старинных украинской и белорусской литератур, то вопрос об усвоении ими литературного наследства Киев-

[1] «Сборник статей в честь академика Алексея Ивановича Соболевского», Л., Изд-во АН СССР, 1928, стр. 332—336.

[2] «Чтения в Обществе истории и древностей российских», 1902, кн. 4 (раздел «Исследования»), стр. 1—50.

[3] «Slavia», 1928, год VII, вып. 3, стр. 549—563; вып. 4, стр. 858—870.

ской Руси оставался по сю пору недостаточно уясненным. При разрешении этого вопроса необходимо предварительно оговориться, что в эпоху средневековья далеко не всегда можно провести четкую границу между той и другой литературой. И Украина и Белоруссия находились в ту пору в составе общего государственного организма, характеризовались общими признаками языковой и общественно-социальной культуры, свои духовные и специально литературные потребности удовлетворяли общими памятниками книжности. Поэтому в дальнейшем, как правило, мы не станем и не сможем во всех случаях разграничивать старинную литературную продукцию обоих народов.

Рассматривая проблему наследования восточным славянством литературных традиций Киевской Руси, В. М. Истрин в свое время писал: «...13-й и 14-й века в истории литератур западнорусской и южнорусской были самыми темными и непроизводительными. От этого периода мы не имеем ни одного литературного памятника, и надо, следовательно, признавать тот факт, что старая литературная традиция в указанных областях совершенно исчезла. Продолжали существовать лишь необходимые богослужебные книги...» [4] Касаясь литературного процесса на Украине и в Белоруссии в XV и XVI вв., Истрин продолжает: «Итак, в областях южнорусских, вошедших в состав Литовско-Русского, а потом Польско-Литовско-Русского государства, и в рассматриваемый период не произошло возрождения старой литературы киевского периода. Наоборот, она все более и более уничтожалась и поддерживалась лишь присылкой и случайным заходом необходимых богослужебных книг из Московского государства; новая московская литература, возникшая из новых уже условий и новых потребностей, западу и югу была чужда. Можно указать один только пример появления памятника, напоминающего старину, хотя памятника и компилятивного, это — составление в начале 15-го века в Киево-Печерском монастыре из старых творений Симона и Поликарпа особой редакции «Киево-Печерского Патерика» [5]. Обращаясь к украинской литературе XVII в., которую Истрин относит к новому периоду, он пишет: «Литература нового киевского периода шла всецело по стопам и образцам литературы польской и, следовательно, питалась только западноевропейскими элементами... С древнерусской литературой она не имела ничего общего, народный элемент в нее не проникал...» [6]

---

[4] В. М. Истрин. Очерк истории древнерусской литературы домосковского периода (11—13 вв.), Пг., 1922, стр. 40.

[5] Там же, стр. 42. Тут Истриным допущена, очевидно по рассеянности, оплошность: в начале XV в. Киево-Печерский Патерик возник не в Киево-Печерском монастыре, а в Твери (Арсеньевская редакция). В Киево-Печерском монастыре возникли две вторичные его редакции (1-я и 2-я Кассиановские), притом не в начале, а во второй половине XV в. (1460 и 1462 гг.). В дальнейшем на страницах книги, посвященных специально Киево-Печерскому Патерику, Истрин исправил свою оплошность.

[6] Там же, стр. 43.

Наконец, суммируя свои соображения по вопросу о судьбах литературного наследства Киевской Руси в последующем развитии литературы Южной Руси, Истрин пишет: «С прекращением политической и культурной жизни в Южной Руси само собой, естественно, прекратилось и книжное списание. Сами книжные люди разошлись в разные стороны; общественная и политическая жизнь стала неблагоприятна для дальнейшего составления и появления самостоятельных произведений; старые памятники были уничтожены во время татарского нашествия, а вновь они уже не переписывались. Одним словом, история древнейшей русской литературы для Южной Руси прикончилась, ее естественное развитие остановилось; последующие периоды некоторого возрождения литературного движения в южнорусских областях в главных своих основаниях покоились уже на иных данных, а новая литература, уже на новом литературном языке, с древнейшей литературой 11—12 вв. имела уже ничтожную связь» [7].

Нетрудно опровергнуть самоочевидные ошибки, допущенные Истриным в его только что приведенных высказываниях. Никак нельзя согласиться с характеристикой XIII и XIV вв. в истории западнорусской и южнорусской литератур (от которых «мы не имели ни одного литературного памятника»), хотя бы потому, что XIII век дал нам такой выдающийся литературный памятник, как Галицко-Волынская летопись, в равной мере относящийся к украинской и русской литературам. Что касается литературной продукции Южной и Западной Руси на протяжении не только XIV, но и XV и первой половины XVI в., то она действительно была скудна; однако, как увидим ниже, говорить о полном ее бесплодии не приходится. Кстати, нельзя говорить и о том, что «новая московская литература... западу и югу была чужда»: достаточно обратить внимание на то, что там известны были, частично в списках с местными языковыми особенностями, «Задонщина», Сказание о Мамаевом побоище, сочинения Максима Грека, старца Артемия, Степенная книга.

Посмотрим, насколько прав был Истрин и в остальных своих утверждениях, относящихся к судьбам литературы Киевской Руси на специально украинской и белорусской почве.

*

Начнем с традиций летописной литературы. Каковы были судьбы летописания в украинско-белорусских землях, начиная со второй половины XIII в., и какова связь этого летописания с традициями летописной литературы Киевской Руси?

В первую очередь необходимо коснуться упомянутой выше Галицко-Волынской летописи, окончательно сложившейся в конце XIII в. и, как сказано, в одинаковой мере принадлежащей русской и украинской литературам в начальной стадии их выделения из древнейшей общерусской литературы. Как указал в свое

[7] В. М. Истрин. Очерки истории древнерусской литературы..., стр. 44.

время Шахматов, «галицко-волынское летописание основалось на „Повести временных лет“»[8]. Что касается специально Волынской летописи, то она отразила в значительной мере влияние предшествующей ей в Ипатьевском списке Киевской летописи XII в.[9]

Галицко-волынское летописание вместе с тем использовало наиболее значительные произведения переводной и оригинальной исторической литературы, которыми владела Галицко-Волынская земля. Тут во второй половине XIII в., нужно думать, был составлен сборник, включавший Толковый апокалипсис, Хронограф, содержавший библейские книги, хроники Иоанна Малалы и Георгия Амартола, «Александрию» и «Историю иудейской войны» Иосифа Флавия, затем «Летописец русских царей», включивший в сокращении «Повесть временных лет», и сборник типа «Изборника» Святослава 1073 г. (весь этот материал был использован в так называемом Архивском сборнике XV в. и в Виленском списке Хронографа)[10]. В конце XIII или в начале XIV в. в Южной Руси (возможно, в Галиции) возник сборник, явившийся протографом Ипатьевского (XV в.) и Хлебниковского (XVI в.) списков, последний из которых возник также, очевидно, в Галиции.

Что касается «Летописца русских царей», вошедшего в Архивский сборник[11], а также в дефектный Никифоровский сборник[12], то он, будучи составлен в Галицко-Волынской земле, включал в себя, помимо сокращенной «Повести временных лет», также известия, изложенные в летописце Переяславля Суздальского, относящиеся к истории Северо-Восточной Руси и доведенные до 1214 г., и содержал фонетические и лексические элементы украинско-белорусской речи[13].

Не позже половины XV в., а может быть, и раньше возникает так называемое западнорусское, или литовское летописание. Наиболее полная публикация дошедших до нас списков западнорусских летописей осуществлена в 1907 г. в XVII томе Полного собрания русских летописей. Нужно, однако, иметь в виду, что до нас дошли далеко не все западнорусские летописи. За два с половиной века — от XIV до половины XVI столетия — украинская и белорусская литературы понесли большие утраты вследствие опустошительных вражеских нашествий, пожаров,

[8] Новый энциклопедический словарь Брокгауза-Ефрона, т. 25, стб. 158. Перепечатано в книге А. А. Шахматова «Обозрение русских летописных сводов XIV—XVI вв.» (М.— Л., Изд-во АН СССР, 1938, стр. 363).

[9] См. И. П. Еремин. Волынская летопись 1289—1290 гг. ТОДРЛ, т. XIII, 1957, стр. 112—114.

[10] См. А. С. Орлов. К вопросу об Ипатьевской летописи. ИОРЯС, т. XXXI, 1926, стр. 95; его же. О Галицко-Волынском летописании. ТОДРЛ, т. V, 1947, стр. 24 и сл.

[11] Издан К. М. Оболенским в кн.: Летописец Переяславля Суздальского, составленный в начале XIII века (между 1214 и 1219 годами). М., 1851, стр. 1—112.

[12] Издан С. Белокуровым («Русские летописи». М., 1898, стр. 7—17).

[13] См. А. С. Орлов. О Галицко-Волынском летописании, стр. 30—31.

домашних междуусобиц, а еще больше — в результате религиозных споров и столкновений католиков и окатоличенных униатов с защитниками православия. Такую же судьбу испытало и западнорусское летописание, судя хотя бы по тому, что польским хронистам Длугошу, Бельскому, Стрыйковскому известны были такие западнорусские летописи, которые до нас не дошли [14].

Группу древнейших западнорусских летописей составляют списки Супрасльский [15], Никифоровский, изданный в указанном труде Белокурова, а также Уваровский. Все эти списки, по наблюдениям Шахматова, ведут свое начало от Смоленского свода XV в., в состав которого входила — через посредство общерусского митрополичьего свода, доведенного до 1446 г., и новгородских 4-й и 5-й летописей — «Повесть временных лет». Таким образом, «Повесть временных лет», по словам Шахматова, «входила в состав того летописного свода, от которого в той или иной степени произошли все литовские летописи» [16].

Анализируя особенности стиля западнорусских летописей, Ф. П. Сушицкий, автор наиболее обстоятельного исследования, посвященного западнорусским летописям, сопоставляет стиль их со стилем Галицко-Волынской летописи, как сказано выше, продолжающей литературные традиции «Повести временных лет» и частично бывшей одним из источников западнорусских летописей. С Галицко-Волынской летописью связывают западнорусские летописи устойчивые формулы боевых эпизодов [17].

Язык западнорусских летописей — в основном древнерусский литературный язык, с проступающими белорусскими диалектическими особенностями; в отдельных случаях встречаются украинизмы, нередки и полонизмы.

---

[14] В связи с изучением украинских списков жития князя Владимира исследователь их пишет: «Необходимых пособий, где бы были собраны указания на сохранившиеся до нашего времени рукописи, заключающие в себе произведения украинской литературы, мы не имеем. К тому же немало погибло материала, полезного для работы историка древнейшего периода этой литературы: частью во время империалистической войны — в Галичине и Буковине, частью и на территории УССР, вследствие хозяйничанья банд, которые, как, например, махновцы, грабили даже музейное имущество, как это произошло в Днепропетровске» (В. Н. Перетц. Исследование и материалы по истории старинной украинской литературы XVI—XVIII веков. М.— Л., Изд-во АН СССР, 1962, стр. 31). Приведенные слова, как и статья, откуда они извлечены, написаны В. Н. Перетцем лет за десять до второй мировой войны (он умер в 1935 г.). Поэтому В. Н. Перетц не мог предвидеть, какие опустошения рукописных собраний Украины и Белоруссии принесет вторжение в эти земли германских фашистских агрессоров.

[15] Подробное его описание см. у А. А. Шахматова («О Супрасльском списке западнорусской летописи» — «Летопись занятий Археографической комиссии за 1900 г.», вып. 13, СПб., 1901, стр. 369—370).

[16] А. А. Шахматов. Обозрение русских летописных сводов XIV—XVI вв., стр. 329, 369—370.

[17] См. Теоктист Сушицький. Західньо-руські літописи як пам'ятки літератури. Київ, 1930, стр. 368—404.

К 1495 г. относится возникновение в Смоленске так называемой Летописи Авраамки, представляющей собой соединение краткого Хронографа с краткой общерусской летописью, составленной в Новгороде и ведущей изложение от начальных исторических событий Киевской Руси до 1446 г. (издана в XVI томе Полного собрания русских летописей). Будучи в политической зависимости от Литвы, Смоленск в своей литературной культуре был близок к западнорусским замлям, тоже находившимся в подчинении у Литвы. Отсюда родственность смоленского и западнорусского летописания, отсюда и наличие в Летописи Авраамки местных западнорусских языковых особенностей [18].

В западнорусском сборнике XVII в. известен «Летописец русских князей и земли Русские» епископа Павла, составленный в XVI в. в Новгороде, но дошедший до нас в западнорусском сборнике, будучи подвергнут сокращениям. Летописец этот в первой своей части, излагающей события, начиная от крещения Руси (по «Повести временных лет») до 1309 г., сходен с первой частью Летописи Авраамки, доведенной до того же 1309 г., что объясняется общим для них источником — кратким извлечением из свода 1448 г. [19]

К Летописи Авраамки близки и некоторые другие летописные сборники [20], из которых наибольший интерес для нас представляет Супрасльский список, содержащий сокращенные Новгородскую и Киевскую летописи (издан в 1836 г. М. А. Оболенским). Сокращенная Новгородская летопись тождественна с текстом Летописи Авраамки, с той лишь разницей, что заканчивается рассказом о взятии Тохтамышем Москвы в 1382 г., не доведенным, однако, до конца и обрывающемся на полуфразе. Заглавие ее «Початок Рускои земли, како приидоша словяне племяни Афетова и сели на Рускую землю по рекам, то ес летописец киевскии и всее Руское земли и Полское и Литвани», уже само по себе свидетельствует о западнорусском происхождении летописца.

Соединенная в Супрасльском списке с краткой Новгородской летописью краткая Киевская летопись написана тем же почерком и характеризуется теми же западнорусскими языковыми особенностями, что и Новгородская. Изложение событий в ней ведется, начиная с 862 г. по 1515 г. Заглавие ее — «Начало руских князей рускаго княженья». События, связанные с историей Киевской Руси, излагаются в ней вплоть до Батыева нашествия на Русскую землю. Общерусские данные извлечены здесь из 4-й Новгородской летописи. Название свое эта летопись получила

---

[18] См. Е. Ф. Карский. Особенности письма и языка рукописного сборника XV в., именуемого Летописью Авраамки. «Труды по белорусскому и другим славянским языкам». М., Изд-во АН СССР, 1962, стр. 345—372.

[19] См. А. А. Шахматов. Обозрение русских летописных сводов XIV—XVI вв., стр. 302—310.

[20] См. М. Д. Приселков. Летописание Западной Украины и Белоруссии. «Ученые записки Ленинградского ун-та», № 67, 1941, стр. 21—23.

у Карамзина, хотя, как отметил еще Ю. Тиховский, «название «Киевская» к ней ни в каком отношении не приложимо: ни по выбору или характеру известий (т. е. киевских или с киевской точки зрения), ни по месту написания или переписки: языку и правописанию рукописи»[21]. По его предположению, летопись эта была написана в Смоленске, его уроженцем. Обстоятельное подтверждение смоленского происхождения Краткой киевской летописи принадлежит В. А. Арнаутову, подтвердившему заключение Тиховского, видимо, не будучи знакомым с его статьей[22].

В истории украинского летописания XVII в. значительное место должно быть отведено Густынской летописи, принадлежавшей первоначально Густынскому монастырю на Полтавщине. Дошла она до нас в копии, написанной в 1670 г. монахом Густынского монастыря Михаилом Лосицким и отличающейся ярко выраженными украинизмами. Автор для своего труда использовал огромное количество исторического материала, начиная от «Повести временных лет» и Галицко-Волынской летописи, продолжая польскими и византийскими хрониками и позднейшими русскими и западнорусскими летописями. События изложены в летописи, начиная с 842 г. и кончая 1596 г.,— годом заключения Брестской унии. Густынская летопись в части, относящейся к истории Киевской Руси, ближе всего стоит к Хлебниковскому списку летописи, как мы знаем, возникшему в Южной Руси. С текстом Густынской летописи по содержанию и по языку сходны тексты, заключающиеся в рукописях, принадлежавших Мгарскому монастырю и Московскому главному архиву Министерства иностранных дел. Обе эти рукописи, относящиеся к XVII в. и содержащие в себе Русский летописец, использованы для подведения вариантов к Густынской летописи, помещенной в качестве приложения к Ипатьевской летописи, входящей во II том Полного собрания русских летописей издания 1843 г. В качестве гипотезы, нуждающейся в дополнительном обосновании, следует указать на попытку приписать составление Густынской летописи автору «Палинодии» Захарию Копыстенскому[23]. Будучи в основном компилятивным сочинением, Густынская летопись в то же время не лишена известных черт наукообразного отношения к использованным летописцем материалам, поскольку он, приводя

---

[21] См. Ю. Тиховский. Так называемая «Краткая киевская летопись». «Киевская старина», 1893, № 9, стр. 365.

[22] См. В. А. Арнаутов. «„Киевская“ летопись Супрасльского сборника (К вопросу о смоленском летописании)». ИОРЯС, 1909, т. XIV, кн. 3, стр. 1—34.

[23] См. А. Ершов. Коли й хто написав Густинський літопис? «Записки Наукового товариства імені Шевченка», т. 100, 1930, стр. 205—211. О Густынской летописи см., кроме того: В. С. Иконников. Опыт русской историографии, т. II, кн. 2. Киев, 1908, стр. 1520—1526; Дмитро Багалій. Нарис української історіографії. «Літописи», т. I, вип. 1. Київ, 1923, стр. 115—118.

высказывания отдельных авторов о тех или иных событиях, старается в иных случаях критически относиться к своим источникам и предлагает свою точку зрения по поводу сообщаемых им фактов.

В рукописном отделении Института Оссолинских во Львове хранился сборник, озаглавленный «Летописцы Волыни и Украины», писанный в Киеве в середине XVII столетия и принадлежавший сыну бывшего киевского войта Богдану Балыке, затем уставнику Межигорского монастыря Илье Кощаковскому, родом из Галичины. Сборник этот заключает в себе ряд летописных статей, представляющих компиляцию, составленную из древних русских летописей, а иногда — из неизвестных вариантов их. В него входят сведения, внесенные потом в «Синопсис», приписываемый Иннокентию Гизелю, извлечения, в частности из «Повести временных лет», наряду с извлечениями из польских хроник. Первая вошедшая в сборник статья озаглавлена: «Кроника руская о российских самодержцех и великих царех, откуду и как быша, подобает взыскати. Зде вонмем и услышим и обрящем от сего, яко от Августа, кесаря римского, корень их вышел». Из «Повести временных лет» здесь заимствованы сведения об основании Киева Кием и о прибытии Аскольда и Дира, о княжении и смерти Олега, о княжении Игоря и Ольги, о ее мести древлянам и путешествии в Царьград, о княжении Святослава, Ярополка и Владимира, затем сказание об изобретении славянской азбуки, о крещении Владимира и о княжении Ярослава. Далее следует весьма краткий перечень событий до 1113 г. и более подробный рассказ о княжении Владимира Мономаха, после чего идет быстрое перечисление событий до 1224 г. и более подробный рассказ о битве при Калке и нашествии Батыя, причем прибавлен эпизод о разорении монголами Чернигова. Статья заканчивается апокрифическим рассказом об убиении Батыя венгерским королем Владиславом.

Под общим заглавием «Летописец вторый» помещено шесть различных летописных отрывков, следующих друг за другом. Первый является извлечением из местной монастырской летописи Киево-Печерского монастыря (за годы 1051—1147). Здесь помещены рассказы, вошедшие в состав «Повести временных лет», о сооружении Киево-Печерской церкви, о первых киевских митрополитах, о чудесных знамениях, виденных в монастыре, и т. д. Другой отрывок представляет извлечение из местной смоленской летописи (1162—1492), подробно рассказывающий о событиях в Смоленске, и прибавлены краткие сведения о событиях литовских, московских и киевских.

Материал этого сборника издан лишь частично за годы с 1241 по 1621 — в «Сборнике летописей, относящихся к истории Южной и Западной Руси» (изд. Комиссией для разбора древних актов, Киев, 1888, стр. 73—99). Сведения о составе сборника даны в предисловии к нему В. Б. Антоновичем.

К 1672—1673 гг. относится написание иеромонахом Феодосием Сафоновичем, игуменом Киевского Михайловского Златоверхого монастыря его «Кройники», общее заглавие которой: «Кройника з летописцов стародавних, з святого Нестора Печерского и инших, также з кройник полских». Она состоит из трех частей: «Кройники о Руси», «Кройники о земли Полской» и «Кройники о початку и назвыску Литвы». В составе всех трех частей труд Феодосия Сафоновича до нас не дошел ни в одной рукописи; «Кройника о Руси», с одной стороны, и обе последующие «Кройники» вместе, с другой, сохранились в различных рукописях. «Кройника о Руси» озаглавлена «О Руси. Отколь Русь почалася и о первых князех руских и по них далших наступуючих князех и о их делах». Она, в свою очередь, делится на три части, причем о событиях в Киевской Руси речь идет в первых двух частях, основанных на материале преимущественно Ипатьевской летописи, а также «Хроники» Стрыйковского. Феодосий Сафонович интересуется главным образом судьбами Южной Руси. Он ставит перед собой задачу связать современную ему историю Украины с ее стародавней историей, идущей от Киевской Руси [24].

В 1674 г. в типографии Киево-Печерской лавры было напечатано первое издание знаменитого «Синопсиса», полное заглавие которого: «Синопсис, или краткое собрание от разных летопис-

---

[24] См. А. М. Рогозинский. «Кройника» Феодосия Сафоновича и ее отношение к «Киевскому Синопсису» Иннокентия Гизеля. ИОРЯС, 1910, т. XV, кн. 4, стр. 270—236; Cecilia Borelius. Safonovičs Chronik im Codex AD 10 der Västeråser Gymnasialbibliothek. Eine Sprachlische Untersuchung. Uppsala, 1952.

Основное внимание автор уделяет, как это видно и из заглавия книги, лингвистическому анализу Вестеросского списка «Кройники о Руси», сделанного в Москве в 80-х годах XVII в. и завезенного в Швецию, где в первой четверти XIX в. снята была с него копия, поступившая в бывш. рукописное собрание Киево-Софийского собора (см. Н. И. Петров. Описание рукописных собраний, находящихся в городе Киеве, вып. III. М., 1904, стр. 104, 525). Следует сказать, что в лингвистическом анализе памятника Борелиус допускает существенные погрешности, на что указано было в рецензии Ю. Сереча («Slavic Word», 1953, т. 9, № 4, стр. 409—412). Главной погрешностью является заключение автора на основе изучения Вестеросского списка об украинском происхождении Сафоновича, тогда как Вестеросский список характеризуется наличием явных белорусизмов. Однако и утверждение Сереча о белорусском происхождении Сафоновича не может считаться доказанным, поскольку оно вытекает из рассмотрения не оригинала памятника, а лишь одного из его списков. Кроме языкового анализа, в книге Борелиус содержатся сведения о дошедших до нас рукописях «Кройники» Сафоновича основанные преимущественно на статье Рогозинского, довольно подробные биографические данные о Сафоновиче и характеристика других его сочинений. В приложении к книге напечатаны в небольшом количестве фрагменты из «Кройники о Руси» по Вестеросскому списку.

Как явствует из заявления С. Т. Голубева, сделанного им в заметке «Дополнение к одному из „Объяснительных параграфов по истории западнорусской церкви“» («Труды Киевской духовной академии», 1910, июль-август, стр. 571), в конце 1910 г. должно было в «Архиве Юго-западной России» появиться полностью издание всех трех частей «Кройники» Сафоновича, но оно не было осуществлено.

цев о начале славяно-российского народа и первоначальных князех богоспасаемаго града Киева, и о житии святаго благовернаго великаго князя Киевскаго и всея России первейшаго самодержца Владимира, и о наследниках благочестивыя державы его Российския даже до пресветлаго и благочестиваго государя нашего царя и великаго князя Алексея Михайловича, всея Великия и Малыя и Белыя России самодержца». Книга вышла в свет «по благословению» архимандрита Киево-Печерской лавры Иннокентия Гизеля; ему же — с колебаниями — приписывается и ее авторство. При жизни Гизеля «Синопсис» выходил еще дважды — в 1678 и 1680 гг., каждый раз с дополнениями, особенно значительными по количеству в издании 1680 г.[25], где к тому времени уже умерший царь Алексей Михайлович заменен Федором Алексеевичем. В дальнейшем, как мы знаем, «Синопсис» выходил в большом количестве изданий в XVIII и в первой трети XIX в. и даже был переведен на греческий и латинский языки.

Как известно, Гизель, если и не бывший автором «Синопсиса», то во всяком случае редактировавший его, был убежденным сторонником идеи воссоединения Украины с Россией и издание «Синопсиса» должно было содействовать историческому обоснованию этой идеи. С этой целью злободневная политическая современность генетически связывается в «Синопсисе» с отдаленным прошлым и таким образом получает свое политическое и историческое осмысление. Здесь Москва трактуется как прямая преемница киевской государственности, как продолжательница и хранительница ее самодержавного строя, утвержденного киевским великим князем Владимиром Святославичем и укрепившегося его продолжателями вплоть до современных написанию «Синопсиса» московских государей. Судьбы Киевской Руси занимают первенствующее место в «Синопсисе», и последующая история великорусского и украинского народа, с большими пробелами, излагается в нем лишь для уяснения ее связи с отдаленной киевской стариной. При этом, как и в московской публицистике XV—XVI вв., право московских князей на киевское наследство мотивируется родственными связями их с киевским княжеским родом, начиная от Владимира. Вместе с тем утверждается исконное единство народов, населяющих «Великую», «Малую» и «Белую» Россию. Все эти три части единой Российской державы в пору Владимира Святославича, якобы именовавшего себя «царем и самодержцем всея России», достигли необыкновенного расцвета

[25] Экземпляры «Синопсиса», датированные 1680 г., известны в трех разновидностях, заставляющих предполагать, что под этой датой напечатано было по крайней мере три издания «Синопсиса», причем первое издание выпущено в свет, очевидно, не ранее 1681 г., второе — близко к этому времени, а третье — возможно, в конце XVII в. См. С. И. Маслов. К истории изданий киевского «Синописа. «Сборник статей в честь академика Алексея Ивановича Соболевского», стр. 341—348.

и славились своим могуществом. Продолжателем дела Владимира Святославича явился Владимир Мономах, после которого, со времени татарского нашествия, наступает упадок киевской государственности [26].

Боевые картины «Синопсиса» порой близки к стилистическим формулам воинских повестей Киевской Руси и позднейшего времени, как, например, описание битвы с турками за Чигирин, вошедшее в третье издание «Синопсиса» 1680 г.: «Тамо бо гласы до небес возвышахуся от превелика клича безчисленных воев! Тамо солнце затмися ради прегуста дыма, от огненныя стрелбы возходяща! Ту воздух помрачися от праха земли, конскими копытами горе возбиеннаго!.. Ту стрелы от многочисленных луков испущенныя, яко прегустыя капли дождевныа! Тамо куле от великия и меншия стрелбы, яко огненный град исхождаху! Тамо гласы стрелбы огненныя, аки страшныя громы слышахуся! Ту мечи обнаженныя, аки молния блещахуся!» [27]

Что касается источников «Синопсиса», то тут на первое место следует поставить польскую «Хронику» Стрыйковского. Но наряду с ней в «Синопсисе» использованы были, по словам автора, и «многие летописцы русские», из коих он особо упоминает Нестора, который, по его словам, «изряднее свидетельствует», чем многие другие летописцы. Многое почерпнул автор «Синопсиса» из Густынской летописи [28].

Одновременно с выходом в свет третьего издания «Синопсиса» взялся за писание «Обширного Синопсиса русского» эконом Киево-Печерской лавры Пантелеймон Кохановский, работавший над своим трудом в течение 1680—1682 гг. Как показывает само заглавие этого труда, он должен был заключать в себе материал более обширный по сравнению с кратким «Синопсисом» Гизеля. Труд Пантелеймона Кохановского дошел до нас в двух рукописях 1681 и 1682 гг. Толстовского собрания. В отличие от краткого гизелевского «Синопсиса», содержавшего в себе материал, главным образом относившийся к Киевской Руси, Пантелеймон Кохановский ставил перед собой задачу дать возможно полную, преимущественно церковную историю всего восточного славянства и соседивших с Русью народов. В качестве источников Кохановскому послужили те же материалы, какими воспользовались для своей «Кройники» Феодосий Сафонович, а также

---

[26] См. И. П. Еремин. К истории общественной мысли на Украине второй половины XVII в. ТОДРЛ, т. X, 1954, стр. 212—222. Напомним, что самодержцем всей Русской земли Владимир именуется и в анонимном сказании о Борисе и Глебе. См. Сборник XII в. Московского Успенского собора, вып. 1, изд. под наблюд. А. А. Шахматова и П. А. Лаврова., М., 1899, стр. 12.

[27] Цит. по статье И. П. Еремина «К истории общественной мысли...», стр. 220.

[28] См. С. А. Пештич. «Синопсис» как историческое произведение. ТОДРЛ, т. XV, 1959, стр. 284.

авторы краткого «Синопсиса» и Густынской летописи, в частности и древнее киевское летописание[29].

Наконец, упомянем сочинение, озаглавленное «Летописец сий есть Кроника з розных авторов и гисторыков многих, диалектам руским есть написана в монастыру Свято-Троицком Илинском Черниговском». Авторство «Кроники» приписывается постриженику Выдубицкого монастыря иеромонаху Черниговского Троицкого Ильинского монастыря Леонтию Боболинскому, завершившему свой труд в 1699 г. и среди других источников использовавшему и «Повесть временных лет». М. А. Максимович, однако, Боболинского считал не автором «Кроники», а лишь ее переписчиком. В одном из «Писем о князьях Острожских» он писал: «Не лишним считаю сказать о старом *летописце* южнорусском, на который я ссылался. Он известен по списку, сделанному в Чернигове 1699 года иеромонахом *Леонтием Боболинским*... Но о. Леонтий был только переписчиком. У меня под рукою теперь другой список, несколько старее и без тех прибавлений, какие сделаны Боболинским, даже из печатного Киевского Синопсиса; он кончается сказанием о гетмане Подкове; писан мелким письмом, на 696 листах, озаглавлен так: „Летописец, то есть *Хроника*, с разных, многих а досведчонных авторов и историков, диалектом русским есть сложены“. Кем сложена эта современница *Хроники Густынской*, мне неизвестно»[30].

Как указал в свое время еще А. Н. Попов[31], в основу общеисторической части этой «Кроники» положен хронограф южнорусской редакции. Впоследствии обнаружено было еще несколько сходных с «Кроникой» Боболинского южнорусских хронографов[32].

Характеризуя направление труда Боболинского, автор книги об украинской историографии приходит к следующим заключениям: «Образцом для летописца послужили церковно-поучительные моралистические произведения ранней средневековой литературы. По примеру древнерусских летописцев XI—XII столетий Боболинский рассматривает явления природы и человеческого общества как неотвратимое следствие проявления божественного провидения и воли божией...» И далее: «Украинские

---

[29] См. указанную статью А. Рогозинского. См. также: С. Т. Голубев. Киево-Выдубецкий монастырь (домонгольское время). «Труды Киевской духовной академии», 1913, октябрь, стр. 222—223.

[30] М. А. Максимович. Собр. соч., т. I, Киев, 1876, стр. 167—168.

[31] См. Андрей Попов. Обзор хронографов русской редакции, вып. 2. М., 1869, стр. 276.

[32] См. В. С. Иконников. Опыт русской историографии, т. II, кн. 2, стр. 1550—1553. См. еще предисловие к отрывкам из «Летописца» Боболинского (начиная с конца XVI в.), напечатанное в издании труда Гр. Грабянки «Действия презельной и от начала поляков крвавшой небывалой брани Богдана Хмелницкого, гетмана запорожского с поляки». Киев, 1854, стр. I—X (отрывки — на стр. 273—327).

летописи XVII столетия монастырского происхождения были последним живым отголоском старинного киевского монашеского летописания XI—XII столетий. Свойственный христианскому вероучению провиденциализм во взглядах на общественную жизнь церковные книжники, в том числе летописцы, особенно в Южной Руси, пронесли через семь столетий, от „Повести временных лет“ до украинских летописей конца XVII столетия включительно...»[33]

Из сказанного выше относительно судеб летописания на Украине и в Белоруссии, начиная со второй половины XIII столетия и кончая XVII столетием, явствует, что традиция летописания Киевской Руси здесь не угасала. В связи с условиями исторического процесса древнейшее киевское летописание в летописной литературе Украины и Белоруссии не было столь влиятельным, как в литературе Великороссии. Но все же киевское летописное наследство в украинско-белорусских землях было освоено в меру их политических и идеологических потребностей. Не следует забывать, что, как указано было выше, до нас не дошли отдельные памятники украинско-белорусской летописной литературы, бывшие в распоряжении польских хронистов. Через их посредство в ряде случаев до украинского и белорусского летописца доходил исторический материал, связанный с Киевской Русью; польские хронисты оказывались в роли передатчиков этого материала.

Начиная от Густынской летописи и продолжая последующими историческими компиляциями, южнорусское и западнорусское летописание приобретает черты наукообразного освещения исторических фактов, что особенно характеризует «Синопсис», приписываемый Иннокентию Гизелю. В подобного рода исторических трудах Киевская Русь и ее культурное наследство трактовалось как органическое преддверие последующей истории Южной и Западной Руси.

*

В работах Ключевского, Серебрянского, Бугославского, посвященных русской житийной литературе Северо-Восточной послекиевской Руси, отмечены факты очевидного влияния житийной литературы Киевской Руси на последующую русскую житийную литературу вплоть до XVII в. Нельзя того же сказать о житийной литературе средневековых Украины и Белоруссии. Здесь это влияние сказывается в значительно меньшей степени. Это объясняется прежде всего очень незначительным количеством канонизованных святых в Южной и Западной послекиевской Руси по сравнению с Северо-Восточной Русью. Разумея под Киевской Русью средневековую Украину и Белоруссию и перечисляя дошедшие до нас имена местных святых, Е. Голубинский писал: «Поразительно это различие между Русью Киевскою и Русью

[33] М. І. Марченко. Українська історіографія (з давніх часів до середини XIX ст.). Київ, 1959, стр. 55.

Московскою в отношении к количеству святых: тогда как в Московской Руси целый многочисленный сонм святых, в Киевской Руси не насчитывается и целого десятка... Возможно, что около десятка местных святых остаются нам не известными, но и этот десяток, если допускать его, нисколько не изменит дела» [34].

Чем бы ни объяснять такое положение вещей, в частности несравненно меньшим количеством монастырей в средние века на Украине и в Белоруссии по сравнению с Великороссией — при условии, что наибольшая часть святых Московской Руси была основателями монастырей,— факт, указанный Голубинским, не мог не отразиться на развитии на Украине и в Белоруссии житийной литературы и, следовательно, на отражении в ней житийных традиций Киевской Руси.

Оригинальное агиографическое творчество, связанное с почитанием собственных святых, в послекиевской Южной и Западной Руси отсутствовало. Отсутствие оригинальной житийной литературы здесь восполнялось достаточно скудной переводной агиографической литературой, в большинстве случаев восходящей к имевшейся уже в обращении славяно-русской переводной агиографической литературе. Имеем в виду сравнительно малочисленные сборники типа четьих-миней, более распространенные Прологи [35], условно именуемую четьей-минеей Четью 1489 г., содержащую, наряду с древнерусским житийным материалом, также переводные жития, составленную на Украине и лишь переписанную в Белоруссии [36]. Наибольшей популярностью на Украине и в Белоруссии с конца XVI в. вплоть до XVIII в. пользовались «Żywoty świętych» Петра Скарги, обращавшиеся там в подлинниках, а также в значительном количестве украинских и белорусских переводов, оказывавшие, в частности, влияние на Четьи-Минеи Дмитрия Ростовского [37]. С иностранного оригинала в конце XV в., скорее всего — с чешского, переведено было в Западной Руси еще лишь одно житие — Алексея человека божия [38]. Оно же известно и в двух южнорусских списках XVII в. по текстам «Римских деяний» [39].

---

[34] Е. Голубинский. История канонизации святых в русской церкви. М., 1903, стр. 221.

[35] О житийной литературе, обращавшейся в средневековых Украине и Белоруссии, подробнее см.: Н. К. Гудзий. Переводы «Żywotów świętych» Петра Скарги в Юго-Западной Руси. Киев, 1917, стр. 1—6.

[36] См. В. Н. Перетц. К изучению Четьи 1489 г. «Исследования и материалы по истории старинной украинской литературы XVI—XVIII веков», т. I, вып. 1, Л., Изд-во АН СССР, 1928, стр. 1—107.

[37] Об этом см. указанную книгу Н. К. Гудзия, а также: В. Н. Перетц. Український переклад житія кн. Вячеслава з «Żywotów świętych» П. Скарги. «Труды Ин-та славяноведения», 1932, I, стр. 97—104.

[38] См. П. В. Владимиров. Житие св. Алексея человека божия в западнорусском переводе конца XVII в. ЖМНП, 1887, № 10, стр. 250—267; В. П. Адрианова. Житие Алексея человека божия в древней русской литературе и народной словесности. Пг., 1917, стр. 121—122.

[39] В. П. Адрианова. Указ. соч. стр. 123—124.

Наибольшей популярностью на Украине пользовалось крупнейшее агиографическое произведение Киевской Руси — Киево-Печерский Патерик, зародившийся, как известно, в первой трети XIII в. и сложившийся в древнейшей, датированной 1406 г. Арсеньевской редакции, составленной на великорусской (тверской) почве, для епископа Арсения, вероятно, постриженика Киево-Печерского монастыря. Независимо от нее в 1460 г. в Киеве возникла первая Кассиановская редакция Патерика, а через два года — в 1462 г.— вторая Кассиановская, «повелением смиренного Кассиана, уставника Печерского». Она сделалась основой для последующих рукописных и печатных текстов Патерика. Каждая из этих редакций пополнялась добавочным материалом, заимствованным из литературного запаса Киевской Руси. Обращение в XV в. к Киево-Печерскому Патерику объясняется новым наплывом аскетических и мистических настроений, шедших на Русь из Болгарии. В Болгарии в это же время и в сходной обстановке также наблюдается повышенный интерес к патериковой литературе, ко всякого рода чудесам, видениям, демонологическим мотивам [40]. Кстати говоря, только что сказанное опровергает утверждение Истрина о том, что Украина оказалась чуждой тем мистическим течениям, которые в ту пору под влиянием Византии возникли в Болгарии; опровергает и другое высказывание Истрина, утверждавшего, что новая этнографическая школа (имеется в виду, конечно, прежде всего ее изобильный разукрашенный риторический стиль) совершенно не коснулась Северо-Западной и Юго-Западной Руси: напротив, в ряде случаев Киево-Печерский Патерик в Кассиановской редакции, особенно 1462 г., обнаруживает явное тяготение к пышной риторике [41].

Почти через 175 лет, в 1635 г. епископом Сильвестром Коссовым по повелению и благословению митрополита Петра Могилы в типографии Киево-Печерской лавры Киево-Печерский Патерик («Paterikon») был напечатан на польском языке. Издание это преследовало задачу защиты и апологии православной святыни в борьбе с католическими и протестантскими попытками подвергнуть сомнению святость покоившихся в киевских пещерах «отцев печерских» и даже принадлежность их к православию, ибо, по утверждению латино-униатских писателей, русская церковь с самых давних времен состояла в единении с западной, римской церковью и находилась в подчинении папе римскому. В предисловии к «Патерикону» и в двух небольших трактатах, присоединенных Коссовым к нему, он, полемизируя с иноверцами, настаивает на святости нетленных мощей печерских угодников и утверждает на основе летописных справок, что пятикратное крещение Руси происходило при посредстве не римского, а греческого духовенства и что первые русские митрополиты (Михаил,

---

[40] См. М. Грушевський. Історія української літератури. Київ, 1926, т. 5, вип. 1, стр. 23—24.

[41] Там же, стр. 160—162.

Иларион, Ефрем, Климент) были подлинно православными иерархами, не состоявшими ни в какой зависимости от римского престола. Однако полемическая часть «Патерикона» Коссова была лишь дополнительным материалом к основному ее тексту, в котором составитель стремится «явить свету» жизнь и подвиги «отцев печерских».

Отправляясь от второй Кассиановской редакции Киево-Печерского Патерика, Коссов во многом видоизменил его текст, сокращая или опуская все то, что не шло навстречу его основной цели— защиты киево-печерской святыни от посягательств на нее ее хулителей. В нашу задачу не входит рассмотрение той большой редакторской работы, которую проделал Коссов над своим изданием «Патерикона» [42]. Существенно подчеркнуть, что в целях защиты православия и — по тем временам — национального престижа украинского народа Сильвестр Коссов обратился к одному из значительнейших памятников Киевской Руси, возвеличивавших Киево-Печерскую обитель, являвшуюся оплотом и знаменем независимости религиозной и национальной культуры древнерусской государственности.

«Патерикон» написан на польском языке, так как по своему полемическому заданию он предназначен был в первую очередь для польского католического читателя и для униатов-украинцев, по большей части владевших польским языком. На том же языке через три года, в 1638 г., также по инициативе Петра Могилы и отчасти на основе его собственноручных записок, в той же типографии Киево-Печерской лавры был напечатан обширный труд лаврского монаха Афанасия Кальнофойского «Тератургима», по своей основной идее — апологии православной святыни — примыкавший к «Патерикону» Сильвестра Коссова. Если в «Патериконе» прославлялись подвиги и чудеса киево-печерских отшельников, совершенные ими главным образом при жизни, то в «Тератургиме» шла речь о чудесах, продолжавших совершаться и в последующее время, вплоть до тогдашней современности: от их мощей, а также от «чудотворной» иконы богородицы, находившейся в Киево-Печерской лавре [43].

Для читателя, не искушенного в польском языке или слабо его знавшего, «Патерикон» Коссова был переведен в XVII в. на «простую мову», украинскую и белорусскую. Судя по описанию А. Е. Викторова, в Ниловой Столбенской пустыни находилась рукопись, содержавшая полный перевод «Патерикона» и написанная украинской скорописью XVI в.[44] Местонахождение этой

---

[42] Об этом см.: В. Н. Перетц. Киево-Печерский Патерик в польском и украинском переводе. «IV Международный съезд славистов. Славянская филология», сб. III. М., Изд-во АН СССР, 1958, стр. 174—188.

[43] Подробнее о «Тератургиме» А. Кальнофойского см.: С. Голубев. Киевский митрополит Петр Могила и его сподвижники, т. II. Киев, 1898, стр. 293—309.

[44] См. А. Е. Викторов. Описи рукописных собраний в книгохранилищах северной России. СПб., 1890, стр. 214. Заглавие: «Патерикон, или

рукописи в настоящее время неизвестно, но известны частичные переводы «Патерикона», сохранившиеся в ряде украинских и белорусских рукописей второй половины XVII и начала XVIII в., в той или иной мере в отдельных случаях отступающие от польского оригинала[45].

На основе Кассиановской второй редакции Киево-Печерского Патерика в середине XVII в. возникла его редакция, составленная «тщанием и повелением боголюбивого архимандрита святыя великия пресветлыя царския лавры Печерския кир Иосифа Тризны» и дошедшая до нас в единственной рукописи Троице-Сергиевой лавры. Патерик Иосифа Тризны является составной частью летописного свода, повествующего об исторических событиях Киевской Руси до половины XIII в. На основе той же второй Кассиановской редакции Патерика составлена также в середине XVII в. обработка его «старанием и иждивением» Калистрата Холошевского, игумена Красногорского Гадячьского монастыря (на Полтавщине) и «рукоделием и трудолюбием» Тарасия Рибсовича, монаха того же монастыря. Эта редакция дошла до нас также в единственной рукописи XVII в. бывш. Церковно-археологического музея при Киевской духовной академии.

В 1661 г. вышло первое печатное издание Киево-Печерского Патерика на обычном славяно-русском языке в типографии той же Киево-Печерской лавры. Издание вышло «повелением и благословением» архимандрита Печерской лавры Иннокентия Гизеля. Возможно, что инициатива этого издания принадлежала митрополиту Сильвестру Коссову, при котором еще в 1655 г. началась подготовка к его осуществлению. Оно по существу представляет собой компиляцию, в основу которой легло польское издание «Патерикона» 1635 г. и в еще большей мере редакция Патерика Иосифа Тризны. С некоторыми изменениями издание 1661 г. в Киеве было повторено в 1678 и 1702 гг. Помещенное в этих изданиях Киево-Печерского Патерика «Предисловие к читателю православному, содержащее ответы противу хулениям на святых печерских», уже самим своим заглавием свидетельствует о том, что эти издания ставили перед собой те же полемические задачи, что и «Патерикон» Сильвестра Коссова.

В 1689—1705 гг. в типографии Киево-Печерской лавры было напечатано первое издание Четьих-Миней Димитрия Ростов-

---

жития святых отец Печерских, прославленных славянским языком чрез святаго Нестора, законника и летописца росского, прежде написанный, лета же от воплощения господня 1635 с греческих, латинскых, словенскых и польскых летописцов чрез чеснаго о Христе отца Сильвестра Коссова, епископа Мстиславского, Оршанского и Могилевского, собранный и польским языком в Киеве в типографии св. лавры Печеро-Киевския изданный».

[45] Об украинско-белорусских переводах «Патерикона» см.: В. Н. Перетц. Киево-Печерский Патерик в польском и украинском переводе, стр. 188—210; его же. След украинского перевода Киево-Печерского Патерика. «Исследования и материалы по истории старинной украинской литературы XVI—XVIII веков», I, Л., 1926, стр. 100.

ского, составленных украинцем, до принятия монашества Даниилом Туптало, написанных в большей части на Украине на славяно-русском языке с выступающими кое-где украинизмами. В числе источников труда Димитрия Ростовского были и источники летописные, связанные с именами древнерусских святых. Наряду с Густынской летописью, «Синопсисом» Иннокентия Гизеля, Степенной книгой Димитрий Ростовский использовал «Повесть временных лет» и Киевскую летопись в особых, не дошедших до нас редакциях [46].

Обращение на Украине и в Белоруссии к киевскому литературному наследству в области житийной литературы сказалось, в частности, и во внимании к княжеским житиям Киевской Руси. Естественно, что благочестивого украинского и белорусского читателя не могли не заинтересовать жития основоположников христианства на Руси — княгини Ольги и князя Владимира Святославича. Для нас первостепенный интерес представляют жития, переложенные на украинскую «простую мову». К их числу принадлежит житие княгини Ольги, известное по рукописи Киево-Печерской лавры (ныне в собрании Государственной публичной библиотеки УССР) конца XVII — начала XVIII в.[47] В основу жития положен текст Степенной книги, отнюдь не механически воспроизведенный, во многих местах сокращенный, в известной степени зависящий от Густынской летописи, отчасти от древней летописи типа Ипатьевского списка, проложного жития Ольги и жития Владимира. Автор переработки отходит от традиционного агиографического иконописного изображения Ольги, придавая своему изложению во многом черты светской повести.

Что касается жития Владимира, то в украинско-белорусской традиции оно дошло до нас в значительном количестве списков. Помимо трех списков жития Владимира XVI—XVII вв., в которых элементы украинского и белорусского языков обнаруживаются лишь в фонетике, проникающей в обычный славяно-русский текст, на Украине возникли в XVI—XVII вв. обработки жития Владимира «простою мовою». Они известны в списках различных редакций, которые можно разделить на четыре группы, включающие в себя краткий и пространный виды жития, причем последний известен в большем количестве списков, чем первый. Один из списков пространной редакции жития Владимира был издан в 1670 г. в типографии Уневского монастыря в обработке Симеона Ставницкого в приложении к книге «Выклад о церкви и церковных речах» [48].

---

[46] См. Д. Абрамович. Літописні джерела Четьіх-Міней Дмитра Ростовського. «Науковий збірник за рік 1929». Київ, 1929, стр. 32—61.

[47] Анализ и издание его текста см. в кн.: В. Н. Перетц. Исследования и материалы по истории старинной украинской литературы XVI—XVIII веков, стр. 9—28, 66—76.

[48] Анализ украинских текстов жития Владимира и издание самих текстов см. там же, стр. 28—65, 76—116.

Источниками пространного украинского жития Владимира, как указывает В. Н. Перетц, послужили разнообразные славяно-русские жития Владимира проложного и распространенного вида, далее — древняя летопись типа Ипатьевской, летопись Густынская, «Патерикон» Сильвестра Коссова, слово «О законе и благодати» митрополита Илариона, известное в украинских списках XVI в., в конечном счете — памятники, в ряде случаев так или иначе связанные с литературными традициями Киевской Руси.

В украинских обработках житие Владимира, по наблюдениям В. Н. Перетца, как и житие Ольги, приняло форму скорее исторической занимательной повести, чем произведения агиографического жанра. Таким оно стало и в печатной обработке типографа Уневского монастыря Симеона Ставницкого, положенной в основу жития Владимира, помещенного в «Синопсисе» 1674 г.

Заключая свое исследование украинских текстов жития Владимира, В. Н. Перетц приходит к выводу, что «самым важным стимулом, воскресившим к новой жизни повесть об эпохе христианизации, была ожесточенная борьба, разгоревшаяся на Украине в конце XVI в. против социального, национального и религиозного угнетения украинского народа панской Польшей. В ходе этой борьбы, когда защита национальности приобретала форму защиты религии, биография „просветителя“ Владимира давала украинским патриотам сильный довод против нажима католической церкви». «Вместе с тем,—продолжает В.Н. Перетц,— в последней четверти XVII в. постоянные казацко-крестьянские восстания против казацкой старшины, с одной стороны, и против царских воевод — с другой, усилили реакционные настроения не только среди феодалов, но и среди части городского мещанства. Стремление дать на примере прошлого идеализированный образ сильного правителя определило их особый интерес к биографии кн. Владимира» [49].

Житиями Ольги и Владимира не исчерпываются княжеские жития в украинской обработке. Так, в рукописи на украинском книжном языке бывш. собрания Киево-Софийского собора № 278 (129), по которой В. Н. Перетцем опубликовано житие Владимира четвертой группы, имеется и анонимное Сказание о Борисе и Глебе [50]. Очевидно, оно имеется и в рукописи того же собрания (№ 279/130) при описании которой В. Н. Перетцем отмечено лишь, что она содержит «жития святых в южнорусском переводе за полугодие с марта по август» (память Бориса и Глеба празднуется 24 июля). То же анонимное Сказание в списке контаминированной редакции имеется и в рукописи бывш. собрания Киево-Печерской лавры (№ 370/155) [51], откуда В. Н. Перетцем

[49] В. Н. Перетц. Исследования и материалы..., стр. 65.

[50] См. Н. И. Петров. Описание рукописных собраний, находящихся в городе Киеве, вып. III, стр. 92.

[51] См. Н. И. Петров. Указ. соч., вып. II, М., 1897, стр. 119—120. Тут же и Слово о перенесении мощей Бориса и Глеба.

извлечены жития Ольги и Владимира второй группы. Оно опубликовано С. А. Бугославским [52]. Им же опубликован другой список также контаминированной редакции Сказания о Борисе и Глебе по рукописи бывш. Московской синодальной типографии (№ 752) конца XVII в.[53] То же анонимное Сказание вошло в украинскую Четью 1489 г.[54]

Текст анонимного Сказания о Борисе и Глебе, характеризующийся лишь фонетическими особенностями белорусского языка, находится в белорусском сборнике XVI в. Чудового монастыря (№ 62/264), описанном А. Н. Поповым [55]. Такой же текст с украинскими фонетическими особенностями — в бывш. собрании Киево-Михайловского монастыря в рукописи XVII в. (№ 49/165). В той же рукописи — Слово о перенесении мощей Бориса и Глеба [56]. То же Слово — с такими же фонетическими особенностями — в бывш. собрании Виленской публичной библиотеки в рукописи XVI в. (№ 105/199). Тут же анонимное Сказание о Борисе и Глебе (Романе и Давиде) [57]. Те же два памятника — с теми же особенностями — в рукописи (№ 57) Народного дома во Львове из коллекции Ант. Петрушевича [58].

Помимо княжеских житий, в украинско-белорусских списках существуют и жития монастырских подвижников, возникшие в Киевской Руси. Эти жития в одних случаях написаны «простою мовою», как в упомянутых выше рукописях бывш. библиотеки Киево-Софийского собора (№ 278/129 и 279/130), а также в рукописи бывш. Румянцевского музея (№ 325) [59], в других — обычным славяно-русским языком с фонетическими украинско-белорусскими приметами.

Перечисленные украинско-белорусские списки хотя бы только житийных произведений, возникших в Киевской Руси, наглядно свидетельствуют о неправоте В. М. Истрина, утверждавшего,что после татарского нашествия в Южной (очевидно, и Западной) Руси прекратилось «книжное списание», что старые памятники, будучи уничтожены во время татарского нашествия, вновь уже не переписывались в Южной (и Западной, конечно) Руси.

---

[52] Сергій Бугославський. Пам'ятки XI—XVIII вв. про князів Бориса та Гліба. Київ, 1928, стр. 49—55.

[53] Там же, стр. 44—48.

[54] Издано Д. И. Абрамовичем: Жития святых мучеников Бориса и Глеба и службы им. Пг., 1916, стр. 179—189.

[55] Библиографические материалы, собранные А. Н. Поповым, изданные под редакцией М. Сперанского (XV—XIX). М. 1889, стр. 48—49.

[56] См. Н. И. Петров. Описание рукописных собраний, находящихся в городе Киеве, т. II, стр. 199, 204.

[57] См. Ф. Добрянский. Описание рукописей Виленской публичной библиотеки. Вильна, 1882, стр. 223, 226.

[58] Українсько-руський архив. Рукописи львівских збірок, т. I, вып. 1. Львов, 1906, стр. 82, 92 (описание И. Свенцицкого).

[59] См. А. Востоков. Описание русских и словенских рукописей Румянцевского музеума. СПб., 1842, стр. 461.

*

Но помимо украинско-белорусских списков житийных текстов сохранились такие же списки с особенностями юго-западнорусской книжной речи и других памятников Киевской Руси. Таковы, например, произведения древнерусского проповеднического красноречия, такие, как слово «О законе и благодати» митрополита Илариона в рукописи XVI в. бывш. Виленской публичной библиотеки [60]. Особенное внимание в Южной и Западной Руси уделялось словам Кирилла Туровского, судя по дошедшим до нас южнорусским и западнорусским спискам его слов [61]. Высоко ценил его Петр Могила, жаловавшийся в своем «Лифосе» на то, что все еще отсутствовали печатные издания проповедей Кирилла Туровского [62]. В «Учительном евангелии» Кирилла Транквиллиона Ставровецкого обнаруживаются следы влияния этих проповедей [63]. Начиная с конца XVI в., в Вильне и в Остроге печатаются сборники, содержащие молитвы Кирилла Туровского [64].

Из произведений переводной литературы, обращавшихся в Киевской Руси, на Украине и в Белоруссии в списках XVI — XVIII вв. широко были распространены памятники литературы апокрифической[65], переписывались творения отцов церкви; из-

---

[60] См. Ф. Добрянский. Описание рукописей Виленской публичной библиотеки, стр. 225.

[61] Там же, стр. 417, 420, 421; Н. И. Петров. Описание рукописных собраний, находящихся в городе Киеве. Вып. I. М., 1892, стр. 230; В. Березин. Описание рукописей Почаевской лавры, хранящихся в библиотеке музея при Киевской духовной академии. Киев, 1881, стр. 13, 15—17; И. В. Ягич («Четыре критико-палеографические статьи». СПб., 1884, стр. 96) отмечает слова Кирилла Туровского с южнорусскими особенностями правописания в Толстовском сборнике XIII в.

[62] См. Архив Юго-Западной Руси, ч. I, т. IX, Киев, 1893, стр. 351.

[63] См. М. Возняк. Історія української літератури, т. I. Львів, 1920, стр. 144.

[64] И. Каратаев. Описание славяно-русских книг, напечатанных кирилловскими буквами, т. I. СПб., 1883, стр. 264, 279, 296—297, 447; Творения святаго отца нашего Кирилла, епископа Туровского. Киев, 1880, стр. LXXX — LXXXI.

[65] Ср. известное издание И. Франко «Апокріфи і легенди з українських рукописів», т. I—V, Львів, 1896—1910. См. еще Н. Ф. Сумцов. Очерки истории южнорусских апокрифических сказаний и песен. Киев, 1888; Ю. А. Яворский. Два замечательных карпато-русских сборника XVIII в., принадлежащих Университету св. Владимира. Киев, 1909, стр. 55—95; Е. И. Калужняцкий. Обзор славяно-русских памятников языка и письма, находящихся в библиотеках и архивах львовских. «Труды Третьего археологического съезда в России», т. II. Киев, 1876, стр. 233—236; М. Н. Сперанский. Южнорусские тексты апокрифического Евангелия Фомы. «Чтения в Историческом обществе Нестора-летописца», кн. 13, отд. II, стр. 169—185; В. Адрианова. Евангелие Фомы в старинной украинской литературе. ИОРЯС, т. XIV, кн. 2 (1909), стр. 1—47; О. А. Назаревський. «Хождение богородицы по мукам» в нових українських списках XVII—XVIII вв. «Записки Україньского наукового товариства в Київі», кн. 2, 1908, стр. 173—216 и др. Библиографические указания см. у

вестна была псевдокаллисфенова «Александрия» [66], Святославов «Изборник» 1073 г.[67], «Шестоднев» Иоанна-экзарха болгарского [68].

В описаниях рукописей не всегда даются указания на их языковые особенности. Это, в частности, нужно сказать об описаниях таких рукописных собраний, в которых естественнее всего искать языковых украинизмов или белорусизмов. Имеем тут в виду описания Ф. Добрянского, Н. И. Петрова, Е. И. Калужняцкого, И. С. Свенцицкого, В. Березина. С другой стороны, не нужно упускать из виду, что отдельные переписчики, работавшие на Украине и в Белоруссии и на потребу этих земель, могли точно копировать свои оригиналы, написанные на обычном русско-церковнославянском языке, не окрашивая их даже фонетически признаками местной речи.

Для своего времени весьма полезным пособием по выявлению украинско-белорусской рукописной книжности был труд П. В. Владимирова «Обзор южнорусских и западнорусских памятников письменности от XI до XVII ст.» [69], но он, во-первых, не отличался должной полнотой в использовании тогдашнего

М. С. Возняка («Історія української літератури», т. I, стр. 317—319) и у Е. Ф. Карского («Белорусы», т. III, ч. 2, Пг., 1921, стр. 47—51).

[66] См. Андрей Попов. Обзор хронографов русской редакции, вып. 2, стр. 286; Е. Ф. Карский. Белорусы, т. III, ч. 2, стр. 69; А. Викторов. Собрание рукописей И. Д. Беляева. М., 1881, стр. 31—32. К тексту «Александрии» приписка: «Писал сию Александрею Василий Гаврилов Менжинский, попович Мозырский, дяк Рождества пресв. богородици Дубровницкий, року 1697, июля 31 дня». По поводу этого списка «Александрии» А. И. Соболевский пишет: «Перед нами свободный перевод одной из редакций древнерусской Александрии, сделанный раньше XVII века. Остатки старого текста (в звуках, формах, словах) в нем довольно многочисленны; язык западнорусский, близкий, по словарному материалу и синтаксису, к языку западнорусских документов XV—XVI веков, но с сравнительно небольшим количеством полонизмов. Этот язык во время странствований текста по юго-западной Руси принял в себя порядочное количество малоруссизмов, так что в нашей рукописи, написанной белорусом, мы имеем соединение с западнорусскими южнорусских особенностей» («Заметки о малоизвестных памятниках юго-западнорусского письма XVI—XVII вв.» — «Чтения в Историческом обществе Нестора-летописца», кн. 9, отд. II. Киев, 1895, стр. 22). См. еще. В. Каллаш. Южнорусский список «Александрии» конца XVIII ст. «Киевская старина», 1887, № 11, стр. 377—379; О. А. Назаревський. Знадоби до історії давньої повісті. I. Повістевий репертуар київських рукописних збірок. «Записки істор.-філол. відділу ВУАН», 1929, кн. 25, стр. 317—319.

[67] См. Е. И. Калужняцкий. Указ. соч., стр. 283; Ф. Добрянский. Описание рукописей Виленской публичной библиотеки, стр. 433.

[68] См. А. Востоков. Описание рукописей Румянцевского музеума, стр. 244—245; В. Н. Перетц. Рукописи библиотеки Московского университета, Самарских библиотеки и музея и Минских собраний. Л., Изд-во АН СССР, 1934, стр. 179 (Минское собрание, белорусский полуустав начала XVII в. Приписка: «В року 1616 месяца сентебрия 14 написася сия книга глаголемый шестодневец»).

[69] «Чтения в Историческом обществе Нестора-летописца», 1890, кн. 4, стр. 101—139

наличного материала даже в момент своего выхода в свет, во-вторых, после его напечатания стал известен новый материал.

*

Переходим далее к судьбам украинско-белорусской паломнической литературы в сопоставлении ее с паломнической литературой Киевской Руси, точнее — с Хождением в Палестину игумена Даниила. Как известно, оно в Северной Руси пользовалось большой популярностью и дошло до нас в большом количестве (более сотни) списков; что же касается Южной и Западной Руси, то там, помимо списков Хождения игумена Даниила, а также свободного перевода Хождения в XVII в. на живую украинскую речь [70] и переводных с польского и греческого паломнических произведений, известно было сочинение, принадлежавшее архимандриту Даниилу Корсунскому, предпринявшему путешествие в Палестину из Белоруссии в 1590—1594 гг.; оно написано под сильнейшим влиянием Хождения игумена Даниила; автор, буквально заимствуя целые главы из своего источника, выдавал за свои личные впечатления такие эпизоды, которые связаны были с путешествием его тезки XII в., например встречу Даниила-паломника с королем Балдуином или такого рода зрелища, которые не могли иметь места в конце XVI в., но которые автор, подражая механически своему источнику, видел «очима своими грешными» и писал «вся по истине, ничто же солгах». Личный почин Даниила Корсунского выразился в некоторых сокращениях своего источника и в ряде добавлений к нему, преимущественно апокрифического материала.

Подводя итоги своим наблюдениям над сочинением Даниила Корсунского, В. П. Адрианова-Перетц пишет: «Автор принадлежал к числу компиляторов; однако в своем хождении обнаружил достаточно черт, которые характеризуют его и как украинца XVI в. и как писателя. Начитанный книжник, литературно образованный, он все же не был настолько самостоятельным, чтобы не оказаться во всецелой зависимости от своего оригинала и в своем увлечении хождением XII в. не заметить тех его сторон, которые, отражая современность, для XVI века звучали как анахронизм» [71].

Хождение Даниила Корсунского дошло до нас в восьми списках XVII—XVIII вв., в большинстве галицкого происхождения. В шести из этих списков следы южнорусского происхождения явственно сказываются в наличии украинских языковых элементов, увеличивающихся в своем количестве и качестве в зави-

[70] См. В. П. Адрианова-Перетц. Из истории русско-украинских литературных связей в XVII веке. (Украинские переводы «Хождения» игумена Даниила и «Сказания Афродитиана»). «Исследования и материалы по древнерусской литературе». М., Изд-во АН СССР, 1961, стр. 245—263, 271—292.

[71] В. Адріянова-Перетц. Данило Корсунський — паломник XVI віку. «Записки істор.-філол. відділу УАН», кн. IX, 1926, стр. 76—77.

симости от возраста списков: в младших по возрасту их больше, чем в старших [72]. Один из списков — из бывш. собрания Троице-Сергиевой лавры 1747 г.— лишен юго-западнорусских языковых признаков, но это не дает еще оснований считать его русским по происхождению, тем более, что в Троице-Сергиеву лавру он передан был отозванным туда в 1753 г. иеромонахом Сумского Успенского монастыря Иосифом Ковалевским [73]. Нужно иметь в виду, что мы не знаем, каковы были языковые особенности оригинала Хождения Даниила Корсунского: возможно, что оригинал был написан, как и ряд других памятников украинского происхождения, сравнительно ранних — до XVII в.— на обычном славяно-русском языке и лишь в позднейших списках накапливал украинские языковые элементы.

К концу XVI — началу XVII в. относится любопытная переделка Хождения игумена Даниила, обнаруженная в сборнике Димитрия Ростовского, датированном 1704 г. и хранившемся в Московской синодальной библиотеке [74]. В этой переделке подверглось исключению все то, что связано с личными впечатлениями и высказываниями самого Даниила. Здесь отсутствует не только рассказ от первого лица, как это имеет место в подлинном Хождении Даниила, но даже упоминание о тех исторических личностях, с которыми Даниилу во время его путешествия приходилось встречаться. Так, в переделке отсутствует рассказ о его встрече и знакомстве с Балдуином, сведения о спутниках Даниила, упоминание о русских князьях. Очень сжат рассказ о схождении небесного огня. В переделке сделаны значительные добавления, преимущественно из текстов священного писания. Все эти особенности придают ей характер своего рода путеводителя по Палестине, которая описана подробно, тогда как описание Галилеи очень сокращено, быть может, ввиду малой ее доступности для паломников, так как она находилась во владении мусульман. По предположению М. Веневитинова переделыватель Хождения Даниила был жителем Юго-Западной Руси или воспитанником Киев-

---

[72] Перечень и характеристику дошедших до нас списков Хождения Даниила Корсунского см. в указанной статье В. П. Адриановой-Перетц, стр. 2 и сл. Один из украинских списков издан В. Шуратом («Перегринация, или путь до Иерасулиму Даниила, архимандрита Корсуньского в Белой Росии», Жовкла, 1906). В. П. Адрианова-Перетц сообщила интересный факт — наличие еще одной переработки Хождения игумена Даниила, обнаруженной ею в рукописи XVII в. Московской синодальной библиотеки. Переработка эта, аналогичная компиляции Даниила Корсунского, возникла, очевидно, на великорусской почве. См. В. Н. Перетц. Отчет об экскурсии Семинария русской филологии в Петроград. Киев, 1915, стр. 19—23.

[73] См. М. Веневитинов. Заметки к истории Хождения игумена Даниила. ЖМНП, 1883, май, стр. 6—7. В этой же статье приведены выдержки из списка Хождения Даниила Корсунского по рукописи Троице-Сергиевой лавры.

[74] См. М. Веневитинов. Переделка Хождения игумена Даниила в сборнике св. Димитрия Ростовского. «Чтения в обществе истории и древностей российских», 1889, кн. 3, отд. II, стр. 1—25.

ской духовной академии, более знакомым со священным писанием, чем с географией Палестины. В тексте переделки имеются некоторые следы полонизмов.

Несколько путешествий в «святую землю», совершенных украинскими паломниками и описанных ими, относятся к первой половине XVIII в. В 1704—1707 гг. в Иерусалим для поклонения гробу господню ходили иеромонахи Новгород-Северского монастыря св. Спаса Макарий и Сильвестр; в 1707—1709 гг. в Иерусалим, на Синай и на Афон ходил иеромонах Черниговского Борисоглебского монастыря Ипполит Вишенский; в 1712—1714 гг. в Палестину путешествовал находившийся при русском посольстве в Турции иеромонах Киево-Печерской лавры Варлаам Леницкий; с 1723 по 1745 г. по «святым местам» Востока странствовал киевлянин, воспитанник Киево-Могилянской академии Василий Григорьевич Барский; наконец, в 1749 г. в «святую землю» путешествовал Серапион, инок Матронинского монастыря, находившегося в Чигиринском уезде Киевской губернии [75].

В каждом из этих путешествий авторы в той или иной степени сообщают сведения, отражающие их личные наблюдения, или передают почерпнутое ими из современных описаний тех мест, которые они посещали; но в каждом путешествии, в одних случаях в большей мере, в других — в меньшей, присутствуют легендарные и апокрифические элементы, сближающие эти путешествия с Хождением игумена Даниила XII в.

Больше всего реминисценций из Хождения игумена Даниила мы находим, пожалуй, в путешествии Макария и Сильвестра. Тут, вслед за паломником Даниилом, упоминается камень, на котором отдыхала богородица, идя из Иерусалима в Вифлеем, чтобы родить там Христа, и возвращаясь из Вифлеема в Иерусалим. В Вифлееме сохранилась пещера, в которой лежат четырнадцать тысяч убитых Иродом младенцев. Недалеко от Иерусалима находится «страшная долина», именуемая Юдолью плачевною. Долина эта ведет к лавре св. Саввы Освященного. На самом

[75] Путешествия Макария и Сильвестра, Варлаама Леницкого, Серапиона по случайным спискам, притом небрежно, изданы архимандритом Леонидом в «Чтениях в Обществе истории и древностей российских», 1873, кн. 3, отд. V, стр. 1—129 («Паломники-писатели петровского и послепетровского времени, или Путники во святой град Иерусалим»). Список путешествий Варлаама Леницкого, изобилующий украинизмами и полонизмами, находится в библиотеке Нежинского педагогического института (см. В. Н. Перетц Отчет об экскурсии Семинария русской филологии в Нежин. Киев, 1914, стр. 49—50). «Пелгримация» Ипполита Вишенского впервые издана (неисправно) архимандритом Леонидом в «Чтениях в Обществе истории и древностей российских», 1876, кн. 4, отд. V, стр. 16—142 и затем, почти с безупречной точностью, в сопровождении вступительной статьи и комментариев,— С. П. Розановым в серии «Православный палестинский сборник», вып. 61, СПб., 1914 (критический разбор последнего издания — в рецензии В. П. Адриановой в ЖМНП, 1915, № 5, стр. 179—210). Странствования В. Григоровича-Барского—в издании Православного палестинского общества, т.т. 1—4. СПб., 1885—1889.

дне этой долины Савве «по божьему откровению» ослица показала воду, которой в течение многих лет питался св. Илья, и теперь той водой, а также дождевой питается монастырь. Над Юдолью плачевной на горе стоит село Скудельничее. Вслед за Евангелием от Матвея говорится, что в нем стали погребать странников со всех стран, от Востока и Запада, приходивших поклониться гробу господню и застигнутых смертью во время своего странствования. Такое предназначение этого села пошло от продажи Иудой Христа иудеям за тридцать сребреников. Совершив свое предательство, Иуда испытал «страх велик» от сознания, что он «продал кровь неповинную», и, повергши сребреники, удавился. Иудеи же, решив, что они не могут воспользоваться брошенными Иудой сребрениками, так как это цена крови, купили на них село Скудельничее для погребения в нем странников. Сходно с тем, что читается в Хождении Даниила, описаны у Макария и Сильвестра Иерусалим и близ него стоящий дом Давидов. Сходно с Хождением Даниила рассказывается в путешествии Макария и Сильвестра о стоящем на Сионской горе доме отца Иоанна Богослова Зеведея, где происходила тайная вечеря Христа с его учениками, во время которой Христос умыл ноги своим ученикам, а Иоанн Богослов возлежал на груди у Христа. На ту же гору пришел Христос к ученикам своим после своего воскресения, показав им, в том числе неверному Фоме, ребра свои. В том же доме произошло сошествие св. духа на собранных в доме апостолов.

Макарий и Сильвестр вслед за Даниилом указывают местонахождение гроба богородицы и того места, где Христос научил своих учеников молитве «Отче наш» и которое и по сю пору называется «Отче наш». На самом верху Сионской горы стоит церковь Вознесения Христова и тут есть камень, с которого Христос вознесся на небо и на котором отпечаталась стопа его правой ноги. По традиции, идущей от игумена Даниила, говорится о схождении в церкви Воскресения Христова, где находится гроб господень, священного огня, от которого загорается кадило «христианское», т. е. поставленное исповедующими православие, «а от иных вер что ни есть кадило не загорится никогда ни едино». Сходно с Даниилом Макарий и Сильвестр описывают гроб господень с висящими над ним кадилами, день и ночь горящими и никогда не потухающими.

По той же традиции при рассказе о Голгофе говорится о каменной расщелине на ней, куда, когда тело распятого Христа было прободено воином, стекала его кровь, которой была крещена погребенная под этой расщелиной голова Адама. На той же Голгофе путешественникам указано было место, на котором Авраам хотел принести в жертву богу своего сына Исаака. Как и у Даниила-паломника, в путешествии Макария и Сильвестра исповедующие католическую веру «франки», «френки» не удостаиваются той благодати, какой удостаиваются исповедующие православную греческую веру.

Ряд отмеченных подробностей находим и в остальных упомянутых нами украинских паломничествах XVIII в. Так, и у Ипполита Вишенского и у Серапиона есть рассказ о том, что кровь распятого на Голгофе Христа, просочившаяся через расщелину в то место, где погребена была голова Адама, очистила его от первородного греха. У Серапиона указывается место, где ученики Христа научились от него молитве «Отче наш». У того же Серапиона, как и у Даниила, говорится о том, что в церкви Воскресения Христова находится «пуп земли». У него же и сведения о селе Скудельничее, какие находим и у игумена Даниила, и у Макария и Сильвестра, и у Ипполита Вишенского, и у Василия Григоровича-Барского. У последнего, вслед за игуменом Даниилом, говорится: «Гора Сионь стоит... домь Зеведеевь там бяше в немь же Христос тайную вечерю сь святыми апостоли ядяше. Таможде и хлебь в тело свое святое, а вино в кровь свою святую претворил; тамо и апостоломь ноги умиль; тамо, в томьжде Зеведеомомь дому, сниде дух святий вь огнениxь язицехь на богомь избранния апостолы» [76].

Как и у игумена Даниила, в каждом из этих путешествий точно указывается расстояние от одного памятного места до другого, причем расстояние это часто измеряется полетом брошенного камня.

По отношению к каждому из указанных нами путешествий приложимо наблюдение, сделанное С. П. Розановым над паломничеством Ипполита Вишенского: «По обилию легендарного и апокрифического элемента и по живой, драматической передаче его описание Вишенского более всего напоминает паломника иг. Даниила» [77]. И еще одна существенная особенность связывает Вишенского, как и других современных ему паломников, с игуменом Даниилом,— это «полное благочестивого внимания отношение Вишенского к святыням и вытекающее отсюда стремление к детальному и возможно точному их описанию» [78].

---

[76] Странствования Василия Григоровича-Барского по святым местам Востока с 1723 по 1745 г., т. I, стр. 330.

[77] «Православный палестинский сборник», вып. 61, 1914, стр. X.

[78] Там же, стр. XXXIX. Нет оснований причислить к памятникам белорусской литературы, как это делал, например, М. К. Добрынин («Беларуская літаратура». Минск, 1952, стр. 132—135) или А. Ф. Коршунов («Хрэстаматыя па старажытнай беларускай літаратуры». Минск, 1959, стр. 144—160). Хождение Игнатия Смолнянина — памятник конца XIV — начала XV в., состоящий из отдельных статей, к числу которых без достаточных оснований причислялось Хождение в Иерусалим, наиболее близкое по сравнению с другими статьями к традициям, идущим от Хождения паломника Даниила XII в. Поводом для отнесения Хождения Игнатия Смолнянина к произведениям белорусской литературы, очевидно, послужило указание издателя его С. Арсеньева на якобы наличие в опубликованном им списке памятника в 12-м выпуске «Православного палестинского сборника» некоторых западнорусских выражений, которые на самом деле в этом списке отсутствуют, как они, видимо, отсутствуют и в других списках Хождения Игнатия Смолнянина.

*

В борьбе за свою национальную самостоятельность Украина и Белоруссия, находившиеся под властью Польско-Литовского государства, выдвигают ряд авторов полемических сочинений, направленных на защиту православия против притязаний католичества, стремившегося при помощи своей церковной агентуры — иезуитов и униатов — дискредитировать православную религию. Борьба украинцев и белоруссов за свою исконную православную веру по существу преследовала задачу отстоять национальные и культурные интересы и вместе с ними интересы материально-правовые. Полемика между защитниками православия и пропагандистами католичества особенно усилилась после Брестской унии 1596 г. Основная задача, которую ставили перед собой православные полемисты, сводилась к тому, чтобы доказать непререкаемость испокон веков сложившейся связи православной церкви с церковью греческой, возглавлявшейся греческими патриархами, вопреки утверждениям католических полемистов, пытавшихся доказать зависимость православной церковной организации от Рима и римского папы. С этой целью отдельные православные полемисты обращались к начальной поре христианизации русского народа — ко времени Владимира Святославича и ближайших продолжателей его княжения, а также ссылались на обстоятельства поставления первых русских митрополитов.

Еще в 1587 г. Герасим Смотрицкий в своем трактате «Ключ царства небесного», в посвятительном предисловии к нему, обращенном к князю Александру Константиновичу Острожскому, упоминает «великого Владимира, преславно и много чудно крестившаго землю русскую, которого церкви и роду зацная линия и доныне не устала, в ней же истинный наследник и властный потомок, ваша княжа милость есть и на месце оных великосановных и многославных предков своих наступает» [79]. Одним словом, по мысли Смотрицкого, князья Острожские являются потомками и преемниками св. Владимира. Права русской православной церкви подтверждены были его сыном Ярославом.

Особенно значительны по своему количеству ссылки, почерпнутые из церковной истории Киевской Руси, в сочинении иеромонаха Киево-Братского монастыря Захария Копыстенского «Палинодия», написанном в 1621—1622 гг. в опровержение сочинения виленского униатского архимандрита Льва Кревзы «Оборона унии». Для этой цели автор воспользовался тем, что он почерпнул из «Повести временных лет», Киево-Печерского Патерика, из польских хроник. Так, в «Палинодии» упоминается путешествие апостола Андрея вверх по Днепру. Благословив горы, на которых позднее возник Киев, он предсказал его грядущее величие и, поставив тут крест, направился к Новгороду (о новгородских банях ничего не говорится), а затем пошел

[79] Архив Юго-Западной России, ч. I, т. VII. Киев, 1887, стр. 233.

в Рим, а оттуда в Грецию. Проходя через Русскую землю, он многих крестил. Далее идет речь о приходе к Владимиру послов с предложением принять их веру. Послы, отправленные Владимиром для испытания различных вер, с особенным восторгом восприняли греческое богослужение. После этого следует поучение Кирилла-философа. Владимир избавляется от слепоты, приняв крещение, женится на царевне Анне и возвращается с христианским духовенством на Русь. Относительно этих сообщений сказано: «Читай о том в летописцах русских» и делается вывод: «Уважай притом и то, як то господь бог россом не до Риму старого латинского показал дорогу для одержаня крещеня и веры христианской, а не от того ему науки, учители, книги и набоженство подал, але з Риму нового грецкого, з Константинополя, напрод од св. Андрея, апостола, першого фундатора патриархии Константинополской» [80].

После Владимира, упоминается в «Палинодии», княжил Ярослав, воздвигший храм св. Софии в 6545 г. О Ярославе по тексту «Повести временных лет» сообщается: «а был Ярослав любящий церковнии уставы и пресвитеры, а наболш чернецов, монахов любил и книг пилновал, читаючи их часто в день и в ночи. А зобравши писаров много, многии книги греческии на словенский язык перекладал, а списал книги многии...» и т. д. Вслед за этим — переложение летописной похвалы книгам и Ярославу, распространителю их на Руси [81].

Копыстенский, ссылаясь на «Повесть временных лет» и Киево-Печерский Патерик, настойчиво утверждает, что христианство на Руси пошло не от Рима, а от Константинополя: «Летописцы российскии и з ными латинскии и польскии историки пишут, иж Володимер монарха в Херсоне от столицы апостолской Константинополской окрещен ест около року от сотворения света 6497, а от рожества Иисуса Христа року 989...» [82]

Настаивая на том, что митрополиты Киевской Руси получали посвящение не от римского папы, а от константинопольского патриарха, Копыстенский заявляет: «Жаден митрополит киевский в послушенстве папежа а не в едности з костелом римским не был»[83]. Первый митрополит киевский из русских был поставлен при Ярославе собором русских епископов, так как Ярослав в то время вел войну с греками, «яко литописци наши российскии написали, мовячи: понеже Россия з греками в брани и нестроении тогда была» [84]. Избрание Илариона митрополитом собором русских епископов без благословения константинопольского патриарха Кревза объясняет как преднамеренный шаг со стороны

---

[80] «Русская историческая библиотека, издаваемая Археографическою комиссиею», т. 4, СПб., 1878, стб. 977 и 978—979.
[81] Там же, стб. 985.
[82] Там же, стб. 999—1000.
[83] Там же, стб. 1005.
[84] Там же, стб. 1009.

русской церкви. Русская летопись, по словам Кревзы, не сообщает, оказывал ли Иларион повиновение папе римскому, но достаточно и того, что он не оказывал повиновения и Константинополю. Возражая Кревзе, Копыстенский пишет о том, что после заключения мира с греками Иларион обратился к греческому патриарху за благословением, которое и получил от него, к папе же римскому не обращался. Для поддержки своего отрицательного отношения к католицизму Копыстенский ссылается на приписывавшееся Феодосию Печерскому послание к князю Изяславу о вере латинской, в котором содержится осуждение этой веры.

В четвертой части «Палинодии» идет речь о мужестве и военной доблести русского народа, обнаруженных еще со времен Киевской Руси. Пользуясь летописными свидетельствами, Копыстенский напоминает о походах на греков «сильного монарха роского» Олега, при помощи поставленных на колеса кораблей осадившего Константинополь, о победах Святослава над болгарами и сербами, Владимира над греками, о подвигах Даниила Галицкого. Упоминается в «Палинодии» и о подвигах иноков Киево-Печерского монастыря.

В дальнейшем, по словам Копыстенского, русский и украинский народы совместными усилиями одолевают своих врагов: «Иоанн, цар Московский, две орди татарскии, Казань и Астрахань», взял, «под свою моц подбил», а другая часть «яфето-роского поколения», «з Малой Росии выходячи», успешно воюет с татарами и турками. «Тое-то есть войско и той-то народ, который веру оную за Володимера, от греков принятую, держит и который в послушенстве и благословении патриарха вселенского, архиепископа константинополского, статечне трвает»[85].

В 1632 г. Виленским православным братством выпущены были два трактата в защиту прав православной западнорусской церкви, дарованных ей Владимиром Святославичем: «Synopsis» и «Supplementum synopsis». В обоих трактатах — подробные выписки из русских летописей и из «Хроники» Стрыйковского и ссылки на них. Во втором трактате из «Повести временных лет» заимствован, между прочим, рассказ о посылке Владимиром послов для испытания вер[86].

Как видим, в рассмотренных нами памятниках полемической литературы Юго-Западной Руси связь их с традициями Киевской Руси обнаруживается не в плане специфически литературного продолжения и наследования этих традиций, а преимущественно в плане исторической преемственности юго-западнорусской православной церковью церковных традиций и церковных преданий, бытовавших в Киевской Руси.

---

[85] Там же, стб. 1110.

[86] Оба трактата изданы в Архиве Юго-Западной России, ч. I, т. VII, стр. 532—649. О них см.: С. Голубев. Киевский митрополит Петр Могила и его сподвижники, т. I, Киев, 1883, стр. 453—463, 487—517; его же. Неизвестное полемическое сочинение против папских притязаний в Юго-Западной Руси (1633 года). Киев, 1899, стр. 14—27.

Летом 1705 г. в стенах Киево-Могилянской академии ее студентами была разыграна трагедокомедия «Владимир всех славянороссийских стран князь и победитель...», написанная молодым академическим учителем поэзии Феофаном Прокоповичем. В основе сюжета пьесы — победа на Руси христианства в борьбе Владимира с языческими жрецами, враждебно относившимися к религиозной реформе киевского князя. Вместе с тем в пьесе показана борьба Владимира с собственными не побежденными еще страстями и соблазнами языческой жизни. Историческая тематика пьесы находилась в зависимости от таких исторических компиляций, как «Синопсис» Иннокентия Гизеля и Густынская летопись.

Обращение Феофана Прокоповича в его пьесе к личности Владимира было связано с злободневной обстановкой современности. Апология киевского князя — религиозного реформатора — косвенно преследовала задачу апологии реформаторской деятельности Петра Великого в его борьбе с защитниками отжившей старины, главным образом — с реакционным русским духовенством.

Почти одновременно со своей трагедокомедией Феофан Прокопович написал и 15 июля, в день памяти Владимира, произнес посвященное ему слово, по своей идейной направленности очень сходное с трагедокомедией. В этом слове о Владимире говорится, что он «основатель духовнаго в земли нашей Сиона, царь чувственно и духовно, царь словом и делом, царь вещию и именем»[87]. Наряду с восхвалением Владимира восхваляется и Киев как второй Иерусалим, новый Сион. «Кому бо несть явно,— восклицает проповедник,— яко богоспасаемый град сей Киев мати градовом и всея земли нашея пространная слава и великое украшение, от всех христиан вторый Иерусалим и новый Сион единогласно нарицается, и тако вся наша начало оттуду приемшая православнороссийская церковь обретающеся в соборной и по всему миру рассеянной церкви, аки драгоценной бисер в перстне, Сион в Сионе, Иерусалим во Иерусалиме оме免оватися может»[88].

Для возвеличивания Киева как второго Иерусалима Феофан Прокопович прибегает к перечислению выдающихся киевских святынь, ведущих свое происхождение еще со времен Киевской Руси. Обращаясь с приветственным словом к Петру Великому во время приезда его в Киев в 1706 г., оратор задает вопрос: «Где бо зде и ступити можеши, идеже бы не узрел еси родства твоего следов?» и тут же дает на него ответ: «Мимо шел еси церковь богородичну Десятинную прозываемую; то здание есть благочестиваго и великаго князя родоначальника твоего Владимира, и святаго его телесе сокровище. Храм сей, в нем же стоиши, от Ярослава созданный есть и его тело погребенное в себе крыет.

[87] Феофана Прокоповича, архиепископа Великаго Новаграда и Великих Лук ... Слова и речи..., ч. III. СПб., 1765, стр. 336.
[88] Там же.

Пойдеши ли во обитель, во святую и чудотворную лавру Печерскую? тую созда великий князь Святослав. Пойдеши ли в монастырь Выдубицкий? той воздвигнул великий князь Всеволод. Пойдеши в церковь святаго Михаила архангела? тую воздвиже Святополк и неоцененным сокровищем, телом мученическим обогати. Пойдеши в дом Троицкий Кирилловский? то здание княжны киевской, королевы польской Марии Всеволодовны. Пойдеши ли на Вышград? тут Борис и Глеб почивают. Пойдеши во обитель Межигорскую, ту иждивение великаго князя Боголюбскаго. Что подробну исчисляти дерзаю? Воззри на вся страны киевския: все то есть царскаго вашего благородия и пресловутых его памятей, аки единая сосудов хранительница»[89].

Следует иметь в виду, что наименование Киева, памятного своими святынями и своей исторической ролью в судьбах Руси, вторым Иерусалимом, новым Сионом возникает на Украине после воссоединения ее с Россией, возможно, по аналогии с наименованием Москвы третьим Римом [90].

Подводя итоги всему сказанному, следует признать: мы имеем все основания для того, чтобу утверждать, что старинная украинско-белорусская литература не оказалась изолированной от литературных традиций Киевской Руси. Традиции эти на Украине и в Белоруссии не были столь влиятельны и столь плодотворны в процессе литературного развития Юго-Западной Руси, как это было в Руси Северо-Восточной. Это объяснялось историческими условиями, в которых находились Украина и Белоруссия после их отрыва от общерусской государственности. Юго-Западная Русь испытала огромное книжное опустошение, утратив почти начисто какие бы то ни было письменные следы литературных памятников Киевской Руси, вновь обретенных, главным образом, после воссоединения Украины с Россией, когда Украине стало возможно приобщиться к утерянному киевскому литературному наследству.

Далее. Украине и Белоруссии выпала на долю такая упорная и напряженная борьба за отстаивание своей национальной самостоятельности и своей религиозной веры, явившейся выражением национального самосознания, какой не знала Великороссия. И это обстоятельство заставляло литературных деятелей Украины и Белоруссии ориентироваться больше на живую общественно-политическую современность, чем на исторические традиции. И при всем том Украина и Белоруссия, как мы старались показать, сохраняли связь с культурными и литературными традициями Киевской Руси, питаясь в меру своих обусловленных историей возможностей ее духовной пищей.

---

[89] Феофана Прокоповича ... Слова и речи..., ч. I. СПб., 1760, стр. 4—5.

[90] См. R. Stupperich. Kiev — das zweite Ierusalem. Ein Beitrag zur Geschichte des ukrainisch-russischen Nationalbewußtsein. «Zeitschrift für slavische Philologie», т. XII (3—4), 1935, стр. 332—354.

Les traditions de la littérature Russe de la période Kiévienne dans les littératures anciennes de l'Ukraine et de la Biélorussie

Résumé

On connait bien l'importance du rôle que joua, jusqu'au début du XVIIIe siècle, la littérature de la Russie Kiévienne dans l'évolution des lettres en Russie. Elle eut de même une influence considérable sur le développement de la littérature ancienne des Slaves du Sud. Quant à l'Ukraine et à la Biélorussie, jusqu'à présent il n'était pas encore bien clair à quel point avait été assimilé par leurs littératures l'héritage de la Russie Kiévienne.

V. M. Istrine affirmait dans son cours d'histoire des belles-lettres russes anciennes de la période kiévienne (1922), que les littératures de la Russie du Sud-Ouest (c'est à dire l'Ukraine et la Biélorussie) s'étaient, dès le XIIIe siècle, détachées des traditions Kiéviennes.

Le présent article tente de réfuter l'affirmation de V. M. Istrine en s'appuyant sur des faits témoignant d'une survivance des traditions littéraires Kiéviennes dans les différents genres de la littérature ancienne Ukrainienne et Biélorusse: chroniques, documents agiographiques, mémoires de pélerinages et, parfois, écrits polémiques. Nous avons donc tout lieu d'affirmer que la littérature ancienne de l'Ukraine et de la Biélorussie ne se trouva pas isolée des traditions Kiéviennes. L'influence de ces traditions sur le développement littéraire fut moins considérable dans la Russie du Sud-Ouest, que dans le Nord-Est du pays. Cela s'explique par les conditions historiques où se trouvaient l'Ukraine et la Biélorussie après leur détachement du système général de l'Etat russe. Ce détachement de la Russie du Sud-Ouest avait amenée une dévastation des bibliothéques, qui l'avait à peu près privé de toute trace des monuments littéraires de la Russie Kiévienne, — ils ne lui sont revenus que plus tard, et principalement après l'union ukraino-russe. Puis l'Ukraine et la Biélorussie eurent à soutenir une lutte obstinée pour défendre leur indépendance nationale et leur religion — manifestation de leur conscience nationale, — lutte que n'avait pas connu la Grande-Russie. Dans ces circonstances les lettrés de l'Ukraine et de la Biélorussie devaient nécessairement s'orienter vers l'actualité politique et sociale plutôt que vers des traditions historiques. Mais l'Ukraine et la Biélorussie avaient quand même conservé quelques attaches avec les traditions culturelles et littéraires de la Russie Kiévienne, se nourrissant de sa pâture spirituelle dans la mesure des possibilités que leur donnait l'histoire.

СОДЕРЖАНИЕ

СЛАВЯНСКИЕ ЛИТЕРАТУРЫ XI–XXII вв.

II. СЛАВЯНСКИЕ ЛИТЕРАТУРЫ XIX—XX ВВ.

Славянские литературы

Доклады советских ученых,
подготовленные к V Международному съезду славистов

Утверждено к печати
Отделением литературы и языка
Академии наук СССР

Художник *Эльцуфен М. И.*
Технический редактор *Дорохина И. Н.*

РИСО АН СССР № 1—119В. Сдано в набор 30/III 1963 г.
Подписано к печати 25/V 1963 г. Формат 60×90[1]/16.
Печ. л. 23.75. Уч.-изд. л. 24,8. Тираж 2400 экз. Т-04641.
Изд. № 1850. Тип. зак. № 2060.

Цена 1 р. 19 к.

Издательство Академии наук СССР,
Москва, Б-64, Подсосенский пер., 21

2-я типография Издательства АН СССР.
Москва, Г-99, Шубинский пер., 10

ОПЕЧАТКИ И ИСПРАВЛЕНИЯ

Стр.	Строка	Напечатано	Должно быть
12	3 сн.	bus	bis
13	8 сн.	Schriit	Schrift-
13	7 сн.	Hagiographe	Hagiographie
13	4 сн.	Entwickelung	Entwicklung
46	14 сн.	privé	privée
70	1 св.	genre	genres
87	8 сн.	traced well no	traced no
93	3 сн.	Reregrina	Peregrina
102	8 сн.	figliuol	figliuolo
118	5 сн.	ca î	caî
124	8 сн.	ce cette idée	cette idée
135	25 св.	византийской	славянской
152	12 сн.	travaué	travaux
152	11 сн.	intituls	intitulé
152	10 сн.	rur-	rus-
152	8 сн.	rappotts	rapports
152	7 сн.	Masé	Maté-
200	12 св.	wurde eine neue	wurde zu einer neuen
200	18 св.	hat	hatte
200	24 св.	von	vor
225	7 св.	gende	gande
225	7 сн.	appurie	appuie
296	12 сн.	certin	certain

«Славянские литературы. Международный съезд славистов».